

САМОЗАЩИТА

МАРКСИСТСКІЙ
: : СБОРНИКЪ : :

I.

Статьи:

В. Засуличъ, А. Потресова, Ивана Кубикова, П. Маслова, К. Дмитріева, Анъ, Владимира Вольскаго, Евг. Маевскаго, В. Левицкаго, А. Бибика, В. Львова-Рогачевскаго.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

ПЕТРОГРАДЪ
Тип. Акц. Общ. „Брокгаузъ-Ефронъ". Прачешный пер., № 6.
1916.

САМОЗАЩИТА

МАРКСИСТСКІЙ СБОРНИКЪ

I.

ПЕТРОГРАДЪ
1916.

Типографія Акц. Общ. „Брокгаузъ-Ефронъ". Прачешный, Петроградъ, 6.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ этомъ сборникѣ встрѣтились тѣ изъ марксистовъ, для кого идея интернаціонализма и идея самозащиты страны не являются понятіями, другъ друга исключающими, а наоборотъ—представляютъ то единство, которое опредѣляетъ на ближайшее время линію ихъ практической политики.

Это общее связываетъ ихъ и покрываетъ собою тѣ различія въ оцѣнкахъ отдѣльныхъ сторонъ современной общественности, которыя несомнѣнно имѣются у авторовъ и за которыя каждый изъ нихъ несетъ отвѣтственность—индивидуально.

Статьи Батурскаго, К. Гвоздева, Б. О. Богданова, А. Горскаго, Л. Ортодоксъ, Л. Сѣдова, М. Б—ва, Н. Череванина и др. появятся въ слѣдующихъ сборникахъ.

О войнѣ.

Отношеніе къ великой войнѣ, властно вторгнувшейся во всѣ стороны жизни и мысли современныхъ людей, заслоняетъ собою въ значительной степени ихъ согласіе или разногласіе по другимъ вопросамъ. Въ средѣ нашей крайней демократіи оно развело въ разныя стороны не мало старыхъ единомышленниковъ и свело, наоборотъ, многолѣтнихъ противниковъ.

Вашимъ предложеніемъ написать что-нибудь для вашего сборника мнѣ хотѣлось бы воспользоваться для того, чтобы высказать и свое отношеніе къ этой войнѣ.

Съ самаго начала я желала и продолжаю желать возможно болѣе полнаго пораженія Германіи. И не одна только любовь къ родной странѣ внушаетъ мнѣ это желаніе. Гибель или хотя бы ослабленіе западныхъ демократій въ пользу и безъ того могучей страны, руководимой полуабсолютистской юнкерской Пруссіей, было бы громадной потерей въ настоящемъ и угрозой для будущаго—для того будущаго, къ которому стремится пролетаріатъ. Относительно Россіи я раздѣляю взглядъ Плеханова на тѣ условія, въ которыя поставила бы ее рѣшительная побѣда Германіи. Я не могу ни на минуту усумниться во всемъ этомъ, но,—къ несчастью—несомнѣнно для меня и нѣчто другое.

Когда недавно на одномъ собраніи ораторъ призывалъ присутствовавшихъ забыть все, кромѣ отпора идущей на насъ „иноземной" силѣ, женскій голосъ крикнулъ съ мѣста: не можемъ—„средиземная" сила не позволяетъ забыть о себѣ.

И, дѣйствительно, эти двѣ силы ведутъ между собою неустанную борьбу за душу русскаго демократа, слѣдящаго за событіями. Съ самаго

начала войны Германія сдѣлала все отъ нея зависящее, чтобы приковать къ себѣ всѣ чувства и помыслы гражданъ всѣхъ странъ, подвергшихся ея нападенію. И на подмогу военнымъ чувствамъ борьбы и отпора она своимъ нападеніемъ на Бельгію, своими „новыми способами веденія войны“, выставившими ее въ такомъ неожиданномъ свѣтѣ, вызвала чисто человѣческія, гражданскія чувства негодованія и отвращенія, далеко не всегда сопутствующія внѣшнимъ войнамъ. Для демократическихъ странъ Запада этого было слишкомъ достаточно. Но даже въ Россіи, все еще переживающей тотъ періодъ нарушеннаго равновѣсія между своими стремленіями и внѣшними формами своей жизни, о которомъ говорится въ „докладѣ“ Витте,—даже въ ней Германія сумѣла пробить широкую брешь въ свойственномъ такимъ періодамъ чувствѣ розни между государствомъ и страной.

Но ее задѣлали. Если для верхняго слоя общества проснувшаяся жажда активности могла находить нѣкоторое удовлетвореніе въ дѣятельности земскихъ и городскихъ союзовъ, то для широкихъ слоевъ не обладающей цензомъ демократіи условія военнаго времени уничтожили послѣднюю возможность какихъ бы то ни было проявленій. Здѣсь разбуженное иноземнымъ врагомъ чувство борьбы и отпора должно было неизбѣжно перейти въ обычное настроеніе, свойственное странѣ „нарушеннаго равновѣсія“.

Но лѣтомъ, когда началось отступленіе, тревога за судьбу родной страны снова охватила съ удвоенной силой широкіе слои населенія...

Читая въ сентябрѣ извѣстное воззваніе, подписанное Плехановымъ и др., даже тѣ изъ насъ, которые были согласны съ нимъ, чувствовали, что есть въ немъ нѣчто сказанное не совсѣмъ такъ, какъ хотѣлось бы, нѣчто не вполнѣ соотвѣтствующее ихъ настроенію. Что же именно?

Вспомните только, что воззваніе писано въ то время, когда Германія наступала по всему фронту, забирая наши крѣпости и города, а русскія лишенныя снарядовъ арміи отступали все дальше,—когда была созвана Дума, смѣнялись министры и само правительство нашло, казалось, что русскимъ людямъ совершенно естественно волноваться бѣдствіями родины, объединяться и сообща искать средствъ помочь ей. Въ тотъ моментъ все въ воззваніи звучало вполнѣ вѣрно. Но... пріостановилось нашествіе, началось успокоеніе. Дума „волновала“—она распущена. Произошли новыя смѣны въ противоположномъ направленіи. Незачѣмъ искать средствъ помочь родинѣ. Это не дѣло обывателя. Онъ долженъ молча и спокойно сидѣть и ждать. Проснувшееся чувство

тревоги за исходъ войны отъ этого не могло, конечно, исчезнуть, а должно было, наоборотъ, усилиться, но оно видоизмѣнилось, ушло внутрь. Мнѣ бы хотѣлось надѣяться, что два чувства, тянувшія въ разныя стороны душу русскаго демократа, сольются, не уменьшаясь, въ одно цѣлое.

Я знаю, значительная часть рабочей демократіи—если эти строки попадутся ей на глаза—скажетъ, что тякія чувства могли быть у шовинистовъ-прихвостней буржуазіи, а они—интернаціоналисты—всегда были за миръ и не могли интересоваться обороной просто потому, что все время руководствовались идеей международной солидарности.

Такъ они говорятъ, такъ думаютъ и тѣмъ не менѣе самый фактъ такого преобладанія интернаціонализма именно среди русскихъ рабочихъ совершенно невѣроятенъ послѣ всего того, что произошло среди рабочихъ Запада. Вѣдь въ жизни организованныхъ рабочихъ Германіи Франціи, Бельгіи интернаціоналъ занималъ безконечно болѣе мѣста, чѣмъ въ жизни русскихъ рабочихъ, для которыхъ онъ и былъ и остается отвлеченнымъ понятіемъ, а тамъ, вслѣдъ за рабочей партіей Германіи, рабочія партіи Франціи и Бельгіи приняли самое энергичное участіе въ организаціи обороны противъ германскаго нашествія.

Разъ оказавшись безсильнымъ остановить нападеніе, интернаціонализмъ уже не могъ, не долженъ былъ мѣшать оборонѣ, которая была бы страшно ослаблена, быть-можетъ, невозможна, если бы отъ нея устранились организованные рабочіе Франціи, Белгіи, а затѣмъ и Англіи. Какъ же, въ виду всего этого, мы сможемъ объяснить себѣ исключительный интернаціонализмъ части русскихъ рабочихъ, какъ не исключительностью нашего національнаго строя.

Щедринъ писалъ когда-то, что у насъ участокъ ставитъ себя на мѣсто отечества, а обыватель вѣритъ ему и тоже смѣшиваетъ эти двѣ вещи. Знаменитый сатирикъ старался объяснить обывателю, что между ними громадная разница.

Равнодушіе части рабочихъ къ оборонѣ отечества всего легче объясняется не силою ихъ интернаціонализма, а именно тѣмъ, что для нихъ —эта „разница“ все еще не выяснилась.

А между тѣмъ великая война грозитъ у насъ не участку, а отечеству, и въ томъ будущемъ, которое приготовила бы отечеству побѣда Германіи, всего больше пострадалъ бы именно рабочій классъ.

В. ЗАСУЛИЧЪ.

P. S. Я только-что прочла въ 241 № „Русск. Вѣд.“ (отъ 21 окт.) изложеніе содержанія статьи Плеханова, напечатанной въ газетѣ „Призывъ“. Меня очень обрадовала эта статья. Призвавъ на помощь Маркса, авторъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывается противъ того „опаснаго недоразумѣнія“, „того предразсудка“, который побуждаетъ нашихъ соціалистовъ и вообще крайнюю лѣвую относиться такъ враждебно ко всѣмъ выступленіямъ отвѣтственной оппозиціи, что „можно подумать, что самое существованіе этой оппозиціи представляется имъ весьма вреднымъ для дѣла свободы“. Они любятъ свободу, говоритъ онъ въ заключеніе, а поступаютъ такъ, какъ будто бы они ее ненавидѣли.

Этотъ опасный предразсудокъ зародился и началъ приносить плоды еще наканунѣ событій 1905 г. Онъ уже тогда приводилъ меня въ отчаяніе. Я твердила о его вредоносности всѣмъ кто только соглашался слушать, но убѣдить не сумѣла рѣшительно никого. Съ тѣхъ поръ опасный предразсудокъ продолжалъ жить и дѣйствовать, постепенно ослабѣвая у меньшевиковъ (не безъ рецидивовъ, впрочемъ) и все сильнѣе разростаясь у большевиковъ. Тамъ—боюсь—среди довольно широкаго слоя, подпавшаго ихъ вліянію, предразсудокъ успѣлъ уже пріобрѣсти всю прочность свойственную предразсудкамъ. Во всякомъ случаѣ, я не могу не пожелать статьѣ Г. В. Плеханова самаго широкаго распространенія и возможно болѣе внимательныхъ читателей.

В. З.



О патріотизмѣ и о международности.

Мы все еще гадаемъ, каковы будутъ возможныя послѣдствія міровой катастрофы, но одно послѣдствіе—и притомъ чрезвычайно серьезное для всего демократическаго движенія—уже на лицо: война въ средѣ демократіи.

Война, смѣнившая миръ, которому, казалось, не будетъ конца. Ибо зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, рабочимъ всѣхъ странъ воевать другъ съ другомъ? Они, вѣдь, не собственники, и нѣтъ той добычи, которую бы имъ причиталось дѣлить. Имъ въ порядкѣ вещей другъ съ другомъ не враждовать, а соединяться. Не даромъ же кличъ, который призвалъ ихъ къ соединенію—прозвучавшій почти три четверти вѣка назадъ—уже давно сталъ, какъ будто живою конкретностью, обрѣлъ плоть въ современномъ интернаціоналѣ рабочихъ, въ ихъ международномъ общеніи.

И тѣмъ не менѣе—миръ нарушенъ и интернаціоналъ въ развалинахъ. Сейчасъ воюютъ не только правительства, сейчасъ—не за страхъ, а за совѣсть—воюютъ и народы, и трудящійся народъ въ томъ числѣ, и даже въ первую голову.

Кто же прервалъ этотъ миръ рабочихъ людей, разбилъ ихъ единство?

Ходъ событій даетъ вразумительно ясный, не подлежащій сомнѣнію отвѣтъ: идея отечества.

Именно эта идея отечества явилась тѣмъ снѣжнымъ комомъ, который, разъ приведенный въ движеніе, головокружительно быстро разросся въ лавину и схоронилъ подъ собой созидавшееся десятилѣтіями зданіе международной солидарности пролетаріата. На зовъ: отечество въ опасности! защищайте его!—какъ одинъ человѣкъ, поднялась вся рабочая масса Германіи, и такъ же единодушно затѣмъ

поднялись на аналогичные призывы пролетаріи Бельгіи, Франціи, Англіи... И что заслуживаетъ особенно вниманія: рабочая масса Германіи поднялась при такихъ обстоятельствахъ, когда—можно было думать—мобилизуется не чувство страха за родину, а самый жгучій протестъ противъ провокаціонной политики имперскаго правительства.

И, однако, мобилизовался совсѣмъ не протестъ, мобилизовался патріотизмъ, и притомъ всенародный, патріотизмъ такой интенсивности и такого охвата, какихъ—я не знаю—видала ли много исторія.

Ясно, мы можемъ сколько угодно винить германскую соціалдемократію—ея вина несомнѣнна—но мы не объяснимъ этой виной тотъ порывъ на защиту страны, который тотчасъ же по объявленіи войны съ элементарной силой овладѣлъ рабочими массами, подавляя сознаніе этихъ массъ, гоня прочь всѣ соображенія объ общечеловѣческой—международной справедливости и двигая массы противъ такихъ же рабочихъ массъ, но только входящихъ въ составъ другихъ государствъ.

Конечно, въ этомъ порывѣ германскаго пролетаріата было нѣчто и отъ специфическихъ чертъ германской жизни послѣднихъ десятилѣтій, тѣхъ чертъ, которыя, между прочимъ, сказались и въ характерномъ умонастроеніи германскаго профессіональнаго движенія съ Легиномъ во главѣ, и въ имперіалистскомъ характерѣ ревизіонизма одной части соц.-дем-тіи. Но это нѣчто все же не даетъ намъ права укладывать весь германскій порывъ въ прокрустово ложе подобныхъ особенностей. Дѣло не въ этихъ особенностяхъ, а въ томъ общемъ развитіи, которое взрастило порывъ въ Германіи, какъ взрастило во Франціи, въ Англіи—во всѣхъ странахъ европейскаго Запада, за однимъ, быть-можетъ, частичнымъ исключеніемъ земель австро-венгерской короны.

Передъ нами на всемъ этомъ Западѣ одинъ общій процессъ, который война вывела наружу въ формѣ патріотизма, въ видѣ готовности принести величайшія жертвы, чтобы отстоять отъ какихъ бы то ни было стороннихъ посягательствъ свое національно-государственное цѣлое. Процессъ—я бы сказалъ—возросшаго сцѣпленія частей внутри каждаго цѣлаго.

Мы знаемъ хорошо, что по мѣрѣ того, какъ капитализмъ продвигался впередъ въ этихъ странахъ европейскаго Запада, продвигалось и классовое расщепленіе общества, росла полярность богатства и бѣдности. Но мы не всегда склонны обращать вниманіе на другую сторону этого капиталистическаго развитія, на то, что расщепленіе общества сопровождалось не только большей напряженностью классовой борьбы, но и съ ней попутно идущимъ преобразованіемъ общества—превращеніемъ обывателей въ гражданъ. Объектъ стараго режима—

вѣрноподданный,—въ различной мѣрѣ, но повсюду на Западѣ—уступилъ мѣсто субъекту современнаго конституціоннаго строя, повсюду—и даже въ полу-абсолютистской Германіи, и даже въ юнкерской Пруссіи.

Ибо даже въ прусской Германіи при всемъ безсиліи ея парламента и безправіи ея демократіи отвоевала себѣ право на жизнь общественность, т.-е. самодѣятельность населенія въ ея самыхъ различныхъ проявленіяхъ и съ ея неизмѣннымъ организующимъ творчествомъ. Вотъ эта-то развившаяся до гигантскихъ размѣровъ общественность и совершила на протяженіи истекшаго вѣка чудо претворенія былой человѣческой „пыли“ въ разслоенную на классы и группы, но плотную ткань новѣйшаго общественнаго организма.

Организмъ этотъ полонъ противорѣчій, кишитъ антагонизмами, само развитіе его идетъ черезъ эти антагонистическія противорѣчія, все ростущія, все заостряющіяся, но онъ отъ этого не перестаетъ ощущаться, какъ организмъ, какъ цѣлое, съ которымъ каждая часть тѣмъ больше связывается, чѣмъ интенсивнѣе проявляется ея жизнедѣятельность, чѣмъ больше предъ нею становится задачъ—реформаторскихъ или революціонныхъ. Вѣдь, реформируютъ цѣлое; вѣдь если хотятъ въ корнѣ измѣнить—то именно цѣлое; всюду и всегда это цѣлое является фокусомъ всякихъ усилій, основой и рамками дѣятельности для любой изъ частей, для каждой группы и партіи, какъ бы принципіально враждебна она ни была данному строю этого цѣлаго.

Я бы даже сказалъ: чѣмъ больше дѣятельной ненависти къ строю, тѣмъ больше къ цѣлому—любви, активной любви, которая и составляетъ патріотизмъ. И въ этомъ смыслѣ величайшимъ патріотомъ былъ Жоресъ, величайшимъ патріотомъ былъ Бебель. Конечно, ихъ идеи были мірообъемлющи, но во имя этихъ мірообъемлющихъ идей каждый изъ нихъ до послѣдняго дыханія трудился надъ собственнымъ цѣлымъ—надъ Франціей или Германіей, и, трудясь, сростался съ цѣлымъ, какъ срастается художникъ съ своимъ дѣтищемъ, зодчій съ своимъ недостроеннымъ храмомъ. И для нихъ обоихъ недостроенный храмъ, который еще надлежитъ перестроить, ихъ Франція или Германія—conditio sine qua non ихъ общественнаго существованія и существованія всего движенія, кульминаціоннымъ выраженіемъ котораго они сами являлись.

Пусть этотъ храмъ пока еще въ чуждыхъ рукахъ и классъ угнетенный не отвѣчаетъ за то, какъ распоряжаются въ храмѣ господа положенія, но—стоитъ чуждой силѣ притти и разрушить храмъ, или нанести ему существенный ущербъ, и эта сила нанесетъ съ тѣмъ вмѣстѣ ущербъ, быть можетъ, непоправимый и угнетенному классу—дѣлу Жореса и Бебеля: подъ обломками храма окажется похоронен-

нымъ все то развитіе, въ которое вкладывали душу какъ вожди, такъ и масса, сотни тысячъ, если не милліоны рядовыхъ, безымянныхъ представителей труда.

И, конечно, когда мысль Жореса или Бебеля останавливалась на грядущей опасности, то имъ и въ голову притти не могло, что когда-нибудь мудрецами Восточной Европы начнетъ оспариваться самая мысль о защитѣ отечества, какъ нашедшая себѣ незаконно пріютъ въ сознаніи пролетаріата. Жоресъ для защиты отечества разрабатывалъ идею демократической „новой арміи“, приспособленной именно къ дѣлу защиты страны, а Бебель—говорилъ, что въ случаѣ бѣды иноземнаго нашествія, онъ возьметъ въ свои руки ружье, чтобы отстоять свою родину.

И то, что говорили Жоресъ и Бебель, эти двѣ величайшія вершины европейскаго движенія, то ощущалось и его самыми широкими низами, ибо и для этихъ низовъ ихъ активное участіе въ движеніи являлось основой, на которой возросъ и расцвѣлъ ихъ патріотизмъ, т.-е. ихъ пролетарская гражданственность.

Понятіе „отечества“ перестало быть мертвою схемой, казенною вывѣской; сливаясь съ ареной многолѣтней работы—борьбы, оно насытилось трепетомъ этой борьбы, оно впитало въ себя ту любовь, которою эта борьба сумѣла связать съ собою рабочія массы. Когда то въ своемъ „Манифестѣ“ Марксъ могъ—въ извѣстномъ смыслѣ—сказать, что пролетаріатъ не имѣетъ отечества и что кромѣ цѣпей терять ему нечего. Съ тѣхъ поръ западно-европейское развитіе привело повсемѣстно къ тому результату, что пролетаріатъ имѣетъ что терять и даже очень большое—свой накопленный имъ, въ границахъ „отечества“, а потому индивидуально, т.-е. національно-государственно окрашенный, капиталъ труда и борьбы...

Капиталъ я разумѣю идейно-психологическій, духовное богатство движенія его, общественно-политическія пріобрѣтенія и цѣнности. Этотъ капиталъ, конечно, не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ капиталомъ—вещественнымъ, которымъ тоже обрастаетъ движеніе въ видѣ развѣтвленнаго вѣдомства всяческихъ организацій и ихъ непомѣрныхъ бюджетовъ. Вещественный капиталъ вноситъ свою лепту вліянія въ психику—и лепту консервативную. Но общій вопросъ рѣшаетъ не онъ, и не онъ, а общественно-политическій капиталъ труда и борьбы залегъ чертой, отдѣляющей старое отъ новаго, психику, скажемъ, дореволюціонной Германіи отъ того, какъ мыслятъ и чувствуютъ не одни современные эпигоны движенія, создавшаго германскую соціалдемократію, но и лучшіе германскіе шестидесятники.

Чтобы пояснить—небольшое отступленіе въ старозавѣтное прошлое. Я не знаю: помнитъ ли читатель у Гейне, не у теперешняго германскаго сверхпатріота Вольфганга Гейне, а у стараго Генриха Гейне, который пѣлъ свои чудныя пѣсни и разсыпалъ направо и налѣво жемчужины мыслей, помнитъ ли онъ разсказъ, какъ Гейне ребенкомъ наблюдалъ вступленіе въ рейнскія провинціи Наполеона во главѣ его арміи? И помнитъ ли онъ то сложное чувство, которое вызывалось видѣніемъ дѣтства въ уже взросломъ поэтѣ? Наполеонъ, который вторгся въ чужую страну, сливался въ его представленіи съ другимъ Наполеономъ, отголоскомъ великой революціи, въ своемъ шествіи черезъ Европу обронившимъ и этимъ рейнскимъ провинціямъ кое-что отъ свободъ, кроху со стола тогдашней французской культуры. И ради этой крохи, ради марсельезы, узурпированной авантюристомъ-корсиканцемъ, геніальный поэтъ готовъ былъ простить авантюристу все зло, которое тотъ причинилъ его родинѣ.

Исключеніе ли Гейне въ этомъ случаѣ? Наоборотъ, я думаю, онъ символъ, и символъ не только старой Германіи, богатой идеями и нищею волей, но и всей той обывательской психики, которая складывается всюду, гдѣ усмотрѣніе начальства замѣщаетъ собой самочинную энергію народа. Это—психика, рождающая идеализацію корсиканца, мечты о лучшемъ, которое придетъ, откуда бы то ни было, хотя бы черезъ „гладъ, потопъ и нашествіе иноплеменныхъ"; въ этой психикѣ звучитъ иногда, какъ у Пушкинскаго Отрепьева въ „Борисѣ Годуновѣ" жалоба Пимену: „хоть бы ханъ опять нагрянулъ, хоть Литва бы поднялась"— восточно-европейская мелодія.

Вотъ эта-то мелодія безвозвратно умолкла на Западѣ, заглушенная традиціей работы и борьбы. Вмѣсто этой мелодіи звучитъ ей діаметрально-противоположная: съ нашей собственной скверной мы справимся сами, не мѣшайте только намъ съ этой скверной справиться. Вѣдь, въ томъ, чтобы справиться съ н а ш е ю скверной, и заключается національная задача н а ш е г о движенія. Мы еще не обанкротились въ нашей общественности и мы нашей задачи не уступимъ никому, да и неспособенъ никто, кромѣ насъ, рѣшить эту задачу.

Если хотите, въ такомъ оборотѣ психики, не безъ элементовъ національно-государственнаго самолюбиваго чувства, могущаго, при случаѣ, перейти въ національно-государственную исключительность, но это прочный, десятилѣтіями подготовлявшійся выводъ изъ всей практики, которая все время протекала исключительно въ руслѣ бытія національно-государственнаго цѣлаго.

Особенности послѣдняго періода истекшаго вѣка еще сверхсмѣтно

усилили этотъ процессъ консолидаціи національно-государственнаго сознанія массъ и ихъ національно-государственнаго самочувствія. Я не буду въ настоящей статьѣ говорить объ этихъ особенностяхъ: ихъ я подробно касаюсь въ другомъ мѣстѣ, въ статьѣ „На рубежѣ двухъ эпохъ“ [1])... Да и не въ нихъ сейчасъ дѣло, а въ томъ основномъ, историческомъ процессѣ въ его цѣломъ, который можно резюмировать такъ: окрѣпла гражданственность; національно-государственная индивидуальность каждой страны осознала себя и дала въ результатѣ патріотизмъ нашихъ дней, эту стихію, поразившую всѣхъ своей элементарной силой.

Спѣшу, однако, оговориться: до сихъ поръ я въ цѣляхъ упрощенія бралъ историческій процессъ превращенія обывателей въ гражданъ, какъ единый процессъ, а на дѣлѣ—такого единства, разумѣется, нѣтъ. Мы живемъ въ вѣкъ всеобщей дифференціаціи: дифференцирована гражданственность, дифференцированъ и патріотизмъ; и патріотизмъ демократіи, а въ особенности патріотизмъ рабочаго класса существенно иной, чѣмъ патріотизмъ буржуазнаго общества въ большинствѣ его подраздѣленій.

Правда, эта дифференціація обычно не доведена до конца, и патріотизмъ господствующихъ классовъ налагаетъ свою печать и на психику массъ, заражая эту психику свойственными именно ему, для него характерными лейтмотивами. И тѣмъ не менѣе, даже въ хаосѣ перекрещивающихся вліяній настоящей войны возможно нащупать кардинальное различіе этихъ двухъ типовыхъ разновидностей патріотизма: патріотизма, готоваго въ интересахъ своего государственнаго цѣлаго посягать на интересы другихъ, и патріотизма, ни во имя какихъ бы то ни было соображеній не посягающаго ни на чьи интересы и только со всей возможной энергіей отстаивающаго неприкосновенность развитія своего собственнаго цѣлаго. Словомъ,—патріотизма агрессивно-буржуазнаго и патріотизма пролетарски-демократическаго—„защитнаго цвѣта“...

Мнѣ нужно было сдѣлать это подраздѣленіе, ибо только исходя изъ него, мнѣ думается, мы въ состояніи подойти къ оцѣнкѣ настоящаго конфликта между патріотизмомъ и международностью, конфликта, разрушившаго, какъ я уже указывалъ въ началѣ статьи, интернаціоналъ рабочаго класса; только исходя изъ этого подраздѣленія, мы сможемъ отдѣлить преходящіе моменты даннаго конфликта отъ моментовъ, глубоко коренящихся въ исторіи развитія, и соотвѣтственно этому рисовать себѣ и дальнѣйшее будущее одинаково свободно и отъ безнадежнаго пессимизма, приводящаго къ капитуляціи передъ дѣйстви-

---

[1]) «Наше Дѣло», № 1 за 1915 г.